

ГОРОД АХАЛЦХА. ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА

А. Т. МАРУТЯН

Ахалцха (Ахалцих)¹, наряду с другими городами Закавказья, видела на своем веку много войн, нашествий и бедствий, но каждый раз, силами своих жителей различной национальности, как бы воскресала, строилась заново, приобретала былое величие². В этом непрерывном процессе созидания весомую роль играл и армянский этнический элемент³, внесший определенную лепту в превращение Ахалцха в позднем средневековье в один из торгово-ремесленных центров Закавказья⁴. В ходе исторического развития, на протяжении ряда веков, часть горожан армянской национальности придерживалась традиционного, т. н. армяно-григорианского

¹ По-груз.—*Ахалцихе* (букв.—«Новая крепость»). В армянских нарративных источниках, колофонах, исторических документах средневековья и нового времени, в народно-разговорном языке чаще употребляется несколько видоизмененная форма — *Ахалцха*, *Ах(л)сха*, *Ахлатцэ* (*Ախ(ա)լց(ը)խա*, *Ախլուխա*, *Ախլուխա*, *Ախլոէ*, *Աղլոխա*). См., напр. *Աշխարհացոյց Վարդանայ վարդապետի*, Բարիդ, 1960, էջ 17, 37; *ԺՆ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ*, մասն Ա (1401—1450 թթ.), Երևան, 1955, էջ 186, 280, 312, 518, 584; *Մանր ժամանակագրություններ (13—18-րդ դարեր)*, հ. 2, Երևան, 1956, էջ 277, 506, 560; Ղ. Ինճիճեան, *Աշխարհագրութիւն լորից մասանց աշխարհի...*, Վենետիկ, 1806, հ. Ա, էջ 123; *Մատենադարան, Կարապետ արքեպիսկոպոսի դիվանը*, Թղթ. 163դ, վավ. 1254; Ղ. Արշաբ, *Երմարք Հայկականք*, Վենետիկ—Ս. Ղազար, 1870, Ա պրակ., էջ 13. См. также нижеприводимую литературу на армянском языке.

² Подробнее см.: Д. Г. Кожоридзе, *Город Ахалцихе в феодальную эпоху (IX—70-е годы XIX в.)*, автореф. канд. дис., Тбилиси, 1968.

³ Об армянском населении г. Ахалцха в средневековье см., напр.: Թ. Վ. Մանուկյան, *Պատմութիւն Լանկ-Քամուրայ և յաշորդաց իւրոց*, Փարիզ, 1860, էջ 77—78; Լ. Մ. Միլիսեր-Բեկ, *Վրաց աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին*, Երևան, 1955, հ. 9 (ԺԸ—ԺԹ դդ.) էջ 91, *ժանոթագրություն 49*; Его же, *Յուզակ հայերեն ձեռագրաց Վրաստանի կենտրոնական պատմական արխիվի*, Բանբեր *Մատենադարանի*, 1958, № 4, էջ 402—404; М. Grosset, *Rapports sur un Voyage Archeologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, execute en 1847—1848*, St.—Petersbourg, 1850, 2e livraison, Second Rapport, p. 139—144. *ԺՂ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ*, Երևան, 1950, էջ 614; *ԺՆ դարի...* էջ 312, 518; *Հայերեն ձեռագրերի ԺԸ դարի հիշատակարաններ (1601—1620 թթ.)*, հ. Ա, Երևան, 1974, էջ 262, 687; *Հայերեն ձեռագրերի ԺԸ դարի հիշատակարաններ (1621—1640 թթ.)*, հ. Բ, Երևան, 1978, էջ 510; Ղ. Ինճիճեան, указ, соч., с. 124; Հ. Ս. Էփրիկյան, *Պատկերազարդ բնաշխարհիկ բառարան*, Վենետիկ, 1903, հ. 1, էջ 56—58. Весьма ценным представляется также относящееся к первой половине XVI в. сообщение царевича Вахушти Багратиони о том, что в Ахалцихе, помимо мусульман, проживали также «армяне, евреи и отчасти месхи также». См.: *Картлис Цховреба (История Грузии)*, Грузинский текст, т. IV, Тбилиси, 1973, с. 663. О наличии в районе Ахалцха значительного количества армянского населения свидетельствует и тот факт, что перешедший на новое место жительства в район Болниса мелик Абов в октябре 1800 г. просил у генерал-майора Лазарева «разрешения на прием во владение его имеющих желание переселиться из Ахалцихского округа в пределы здешние ... Армян в 1. 000 семействах состоящих». См.: *Акты Кавказской археографической комиссии (далее—АКАК)*, Тифлис, 1866, т. I, с. 637, док. 878.

⁴ См.: Ш. А. Месхиа, *Города и городской строй феодальной Грузии (XVII—*

вероисповедания, другая часть (среди которых были как армяно-, так и грузиноязычные)—армяно-католического. Такое конфессиональное разделение имело весьма различные последствия для армянского населения города.

В целом вопросы этнической истории средневекового Ахалцха, этого своеобразного этноконфессионального «котла», где в течение столетий присутствовали различные этнические единицы, довольно сложны и требуют отдельного рассмотрения. К сожалению, эта проблема до наших дней не изучена в полном объеме.

Начиная со второй половины XVI в. Ахалцха и прилегающие районы находились в составе Османской империи. Со временем город стал центром одноименного пашалычества. В первой четверти XIX в. население Ахалцха, по свидетельству А. Дюпре, сына бывшего французского консула в Трапезунде, доходило до 40 тысяч человек⁶. По сообщению генерал-лейтенанта Ушакова⁶, перед началом русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в Ахалцха «считалось до 50000 жителей обоого пола, помещенных в крепости и предместьях»⁷. О многочисленности населения города свидетельствует и тот факт, что при взятии Ахалцха 15 августа 1828 г. русским войскам, помимо гарнизона, противостояли «до 10-ти тысяч вооруженных жителей»⁸.

Перечисляя жителей Ахалцхского пашалыка⁹ (до и после присоединения его к Российской империи), Ушаков пишет, что многие из грузин «доселе остались в христианстве; другие приняли мусульманскую веру... Католики, армяне и жида составляют весьма небольшую часть населения Ахалцыха...». При этом он отмечает, что имеющаяся здесь со времен завоеваний западных императоров «малочисленная паства католиков азийских при владычестве мусульман «слилась воедино с армянами. Армян настоящих (по всей вероятности, имеются в виду армяно-григоряне—А. М.) было в Ахалцыхе весьма не много; большая часть из них в разные времена приняла католическую веру. Сии последние не терпят коренных армян, и, называя себя просто католиками, обижаются именем армянина»¹⁰. В XI главе («Описании Ахалцыха в военном смысле») цитируемой книги приводятся интересные сведения об этническом составе и основных занятиях жителей самого города до 1828 г. «Дав убежище толпе буйной вольницы, этот город постепенно процветал успехами отважных грабежей и впоследствии самую торговлю с Эриванью, Арзерумом, Трапезонтом, Тифлисом и даже Константинополем. С одной стороны, слава и независимость его, уважаемая в целой Азии, беспрестанно увеличивали *воинственное население* тамошних граждан ежегодным стечением лезгин, соседних горцев и всякого рода людей, привыкших к безнаказанному промыслу разбоя... С другой—богатство и праздность таких удальцев привлекли туда мало-помалу значительную

XVIII вв.), Тбилиси, 1959, с. 37, 46, 53, 59, 62—64, 98, 116, 166; Д. Г. Кожоридзе, указ. соч., с. 7—15; Ш. В. Ломсадзе, Самцхе-Джавахеги с середины XVIII в. по пятидесятые годы XIX в., Тбилиси, 1975, с. 543.

⁶ См.: [Ушаков], История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах, Варшава, 1843, ч. I, с. 284.

⁷ Автор пользовался материалами, собранными офицерами Генерального штаба «при вступлении войск наших в завоеванные земли». Ахалцхский пашалык описал штабс-капитан бывшего 42-го егерского полка Искрицкий. Полное содержание книги Ушакова «заимствовано из официальных бумаг и других достоверных источников». См.: [Ушаков], указ. соч., с. XV—XVI.

⁸ [Ушаков], указ. соч., с. 284.

⁹ АКАК, Тифлис, 1878, т. VII, с. 763, док. 764.

¹⁰ «Ахалцхский пашалык населяют различные племена, как-то: турки, аджары, лазы, куртины, туркмены, карапахцы, армяне, грузины, армянские католики, жида и даже цыганы. Самая значительная часть этого населения состоит из *народа воинственного...*». [Ушаков], указ. соч., с. 58. Далее, на с. 61, автор поясняет: «В настоящем составе Ахалцхского народонаселения, лазы, куртины, карапахцы, аджарцы и туркмены суть племена *наиболее воинственные*» (курсив наш—А. М.).

¹⁰ [Ушаков], указ. соч., с. 62—63.

часть евреев, армян и азиатских католиков и размиоженили там этот промышленный класс народа, который, составляя всегдашнюю и отличительную принадлежность всех азиатских городов, умеет возобладать торговлею...»¹¹ (курсив наш—А. М.). Далее, описывая расположение города, Ушаков пишет: «Самое большое население Ахалцха заключалось между двумя оврагами; и здесь преимущественно обитали коренные потомки его основателей. Овраг восточный отрезывал почти пятую долю городских жилищ, а овраг западный не более двух кварталов, которые, равно как и северная сторона, населены были исключительно жидами, армянами и католиками»¹².

Другой исследователь Ахалцхского пашалыка первой половины XIX в. Василий Легкобытов¹³ также пишет: «Из коренных жителей весьма немного армян; как они в большей части католики, то не терпят своих единоплеменников, и даже не называют себя армянами; говорят более на татарском и грузинском языках; характером сходны с тамошними грузинами... однако же умнее их и оборотливее... Из грузин немногие сохранили религию свою... большая часть грузин сделалась мусульманами, следуя учению Омара. Несмотря однако же на все это, они сохранили вполне язык свой, природную доброту и обычаи предков...»¹⁴. Сведения, сообщенные О. Евецким, весьма сходны с описанием В. Легкобытова¹⁵.

Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. население Ахалцха резко убавилось, сам город сильно пострадал: главнокомандующий русскими войсками граф Паскевич сравнивал занятый им город с пепелищем¹⁶. В марте 1829 г., после неудачной попытки турецких войск овладеть крепостью, из города выехало мусульманское население: в дальнейшем, вплоть до 1905 г., их число не превышало 0,1—1,1% от общего числа горожан. Заметим, что во время осады немусульманское население города было перебито, спаслись только 700 человек, нашедшие приют в крепости¹⁷. Много жителей погибло также во время свирепствовавшей в июле 1829 г. чумы¹⁸.

После окончания войны и подписания Адрианопольского мирного договора началось массовое переселение жителей эрзерумской (каринской) и других западноармянских областей, остающихся под властью Турции. Значительная часть эрзерумских горожан, главным образом ремесленники и торговцы, выехав из Карина в мае 1830 г., в течение четырех—семи месяцев дошли до полуразрушенного Ахалцха, выбранного ими в качестве нового местожительства¹⁹. Здесь, на правом,

¹¹ Там же, с. 283—284.

¹² Там же, с. 285.

¹³ Данные о состоянии Ахалцхского пашалыка были собраны В. Легкобытовым «при покорении его и потом во время правления русского». Автором были использованы также материалы проведенного в 1831 г. камерального описания в четырех округах уже присоединенного пашалыка. См.: [В. Легкобытов], Ахалцхский пашалык.—В кн.: Обзорение российских владений за Кавказом..., СПб., 1836, ч. IV, с. 199.

¹⁴ Там же, с. 211—212.

¹⁵ См.: Орест Евецкий, Статистическое описание Закавказского края, СПб., 1835, с. 179—180.

¹⁶ См.: АКАК, т. VII, с. 763, док. 764.

¹⁷ См.: АКАК, т. VII, с. 780, док. 781.

¹⁸ См.: там же, с. 813, док. 807.

¹⁹ См.: там же, с. 847, док. 830; Տ. Գ. Եղամբասնց, Կարապետ արքեպիսկոպոս. կենսագրություն, Փոթի, 1876, № 1, էջ 186—189; Մ. Գարրիջան, էջեր Ախալցխայի և Ախալքալաքի հայերի 1829—30 թթ. գաղթի պատմությունից, Բանբեր Երևանի համալսարանի (далее—ԲԵՂ), 1973, № 2, էջ 212—216; Его же, Վալերազրեր պարսկահայերի և արևմտահայերի 1828—30 թթ. գաղթի վերաբերյալ, Բանբեր Հայաստանի արխիվների (далее—ԲՀԱ), 1973, № 2, էջ 141; его же, Новые документы о переселении персидских и западных армян в 1828—1830 гг., ԲՀԱ, 1977, № 3, с. 9; Կ. Գ. Ղաֆաղարյան, Նյութեր Ախալցխայի հայ համայնքի պատմության վերաբերյալ (Պատմա-բանասիրական հանդես, 1967, № 1, էջ 119—121):

незаселенном берегу реки Поцхов в августе 1830 г. был основан новый город. В литературе фигурируют различные данные о численности переселенцев в Ахалцха: 2800 семей, или 6—7 тысяч чел.²⁰; около 2500 семей, или 5107—6000 чел.²¹; 2536 семей²². Наиболее достоверным представляются данные, являющиеся итогом камерального описания 1831 г., т. е. после того, как в город прибыли последние группы иммигрантов. Цифры таковы: коренные жители—«греко-грузинского исповедания 44 семейства и в них 94 души мужского пола, римско-католического 385 семейств и 623 души армянского 26 семейств и 64 души, еврейского 117 семейств и 327 душ, магометанского 24 семейства и 42 души; переселенцев же: армянского вероисповедания 1542 семейства и 4001 душа, католического 130 семейств и 296 душ— всего 2268 семейств и 547 душ мужского пола»²³. Таким образом, исходя из условно принимаемого расчета о наличии равного мужскому полу количества представительниц женского пола, число переселенцев составляло около 8600 человек, а общее количество жителей города—около 11000 человек. Последнюю цифру называет также французский путешественник Дюбуа де Монпёре, побывавший в городе в 1833 г.²⁴ У О. Евецкого, при общем количестве жителей мужского пола в 5445 чел., фигурирует число населения «около 13000»²⁵.

В течение последующих нескольких десятилетий наблюдается процесс уменьшения доли армянского населения. Это объясняется, в первую очередь, значительным сужением рынка сбыта для ахалцхских ремесленников (в абсолютном большинстве своем армяны²⁶)—основной части горожан. Поэтому часть ремесленников вернулась в Карин²⁷, часть переселилась в другие города Закавказья (главным образом в Александрополь и Тифлис) и Северного Кавказа²⁸. Нижеприводимая таблица позволяет составить общее представление об этническом составе населения Ахалцха²⁹.

²⁰ См.: *Յ. Գեղամեանց*, указ. соч., с. 188; его же. *Նամակ Ախալցխայից*. Փորձ, 1876, № 1, էջ 429.

²¹ *Մ. Գարրինյան*, указ. соч., с. 214.

²² *Բ. Կ. Հակոբյան*, *Ստ. Տ. Մելիք-Քալիշյան*, *Հ. Կ. Քարսեղյան*, *Հայաստանի և հարակից շրջանների տեղանունների բառարան*. Երևան, 1986, հ. 1, էջ 108.

²³ [В. Легкобытов], указ. соч., с. 219.

²⁴ См.: Х. Ф. Линч, Армения. Путевые очерки и этюды, Тифлис, 1910, т. 1, с. 89.

²⁵ О. Евецкий, указ. соч., с. 187, 188.

²⁶ См.: [В. Легкобытов], указ. соч., с. 220; Վ. Ա. Աբրահամյան, *Հայ համարագրությունները Անդրկովկասի գաղափարում (18—20-րդ դարի սկիզբը)*, Երևան, 1971, էջ 71—75.

²⁷ *Մատենադարան*, *Վարապետ արքեպիսկոպոսի դիվանը*, Բղթ. 163 դ, վավ. 1358, 1403, 1415, 1507, Բղթ. 163հ, վավ. 77, 78; *Մ. Գարրինյան*, указ. соч., с. 215.

²⁸ См.: С. И. Гулишамбаров, Город Ахалцих. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее—СМОМПК), вып. XI, Тифлис, 1891, с. 210—211; Վ. Ղաֆադրյան, *Մի փաստաթուղթ Ախալցխայի հայերի կենցաղի վերաբերյալ*, ԲԵԼ, 1967, № 3, էջ 167; Վ. Վ. Սեդրաշյան, *Արհեստավորական ավանդույթները և դրանց արտահայտությունները լեռնակայանների կենցաղում (պատմա-աղագրական ուսումնասիրություն)*, *Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն*, պր. 6, Երևան, 1974, էջ 166—167.

²⁹ Таблица составлена на основе следующих источников: за 1850 г.—В. Переваленко, Ахалцих, Кавказский календарь (далее—КК) на 1852 г., Тифлис, 1851, с. 285; за 1873 г.—Статистические таблицы о народонаселении Кавказского края.—Сборник сведений о Кавказе, Тифлис, 1880, т. VII, с. XVIII—XXI. XXXVIII—XXXIX; за 1875—1879 гг. и 1880 г.—А. С. Надеждин, Движение населения в Закавказском крае. I. Тифлисская губерния за 1875—1880 гг.—Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1885, т. IX, с. 128—129; за 1876 г.—*Յ. Գեղամեանց*, *Նամակ Ախալցխայից*, Փորձ, 1876, № 1, էջ 430; за 1884 г.—Некоторые статистические данные о Кавказе, по отчетам 1883 г. и другим источникам.—КК на 1885 г., Тифлис, 1884, отд. I, с. 204; за 1886 г.—Свод статистических данных о населении Закавказского

Этнический состав населения города Ахалцха во второй половине XIX-начале XX вв.

	1850	в %	1873	в %	1875-79	1876	в %	1880	1884	в %	1885	в %	1886	в %	1897	в %	1905	в %	
По народностям																			
Армяне	7288	58,0	10762	80,6	12791	12980	10420	79,1	131,7		1017	64,1	885	66,4	5035	59,8	15031	78,2	
Грузины			422	0,1	87	78	81	0,9	85		2730	15,9	250	8,7	3578	23,2	1075	5,5	
Евреи	733	5,9	1972	11,1			1986	15,1		1972	10,1	2545	15,1	1667	12,1	438	2,8	2322	12,1
Русские			80	0,6			80	0,6			15	0,9	130	0,9	159	10,2	470	2,4	
Греки			57	0,4			57	0,4			19	0,1			10		116	0,6	
Татары			30	0,2			25	0,2			42	0,2			168	1,1	30	0,16	
Поляки			2								110	0,6			345	2,2	2	0,16	
Цыгане											81	0,5					111	0,6	
Прочие											27	0,1	205	1,5	203	1,3	36	0,14	
По вероисповедан.																			
Армяно-григоряне			10702	80,6					12640	69,2	5678	50,1	8185	61,1	8372	4,5			
Армяно-католики									633	3,1	736	4,4	542	18,5	1396	9,1			
Католики	521	4,2													1350				
Римско-католики			2								211	11,3				8,7			
Православные	3814	10,8	599	4,1							777	4,8	841	6,2	221	15,1			
Русско-православ.									80	0,4					1172	7,6			
Греко-православ.									57	0,3					10				
Грузин-православ.									364	2,0					828	5,4			
Грузинско-католики									2305	12,6					12				
Грузинско-магомет.									25	0,1									
Иудеи			157	1,1							251	15,1	1667	12,1	133	9,9			
Мусульмане	18	0,2	39	0,2							5	0,3			205	1,3			
Прочие													21	1,0	67	0,4			
ИТОГО	12374	100	13265	100			13111	100	18263	100	16116	100	13381	100	1557	100	1990	100	

Считаем необходимым внести ряд пояснений в приведенную выше таблицу. Так, в источнике, где суммированы данные за 1873 г., вместо «татары» (как в таблице) написано «адербейджанские татары». В сведениях за 1875—1879 гг. и 1880 г. выделяются только две графы—армяне и грузины, поэтому и в таблице графа об общем количестве населения не заполнена, не выводятся также проценты. В данных за 1876 г. армяно-григориане и армяно-католики упоминаются вместе. В приведенное число армян, грузин и евреев входят также священнослужители и члены их семей; вместо «татары» написано «османцы»; в отдельную графу, без указания этнического признака, выделены «дворяне и чиновники» с членами семей—160 чел. (1,2%). Приведенная в таблице цифра общего количества населения за 1884 г. на 193 человека (1,1% общего числа горожан) меньше суммы данных отдельных граф таблицы, однако в источнике зафиксирована именно такая цифра—18269. В таблице приводятся два различных вида данных за 1886 г. По официальным материалам 1886 г. в городе проживали 31 «турок» и 11 «татар адербейджанских». Данные, приведенные в статье современника, учителя Ахалцихского городского училища В. Иванова, отличаются от официальных, по всей вероятности в связи с тем, что, как пишет автор, «сами посемейные списки по Ахалциху не отличались надлежаще полнотою и правильностью»³⁰. При распределении жителей города В. Иванов подразделяет их на коренных, временно проживающих и временно выехавших в разные места. Исходя из того обстоятельства, что отнесенные к последней графе горожане переселились «главным образом во вновь присоединенные после русско-турецкой войны города»³¹ (всего 2832 чел., среди них 1675 армян, 635 евреев и 465 грузин³²) и они к этому времени фактически не проживали в городе, мы не принимаем их в счет. Поэтому и в вышеприведенной таблице в разделе «по народностям» приводятся данные из графы «по языку». В данных за 1897 г. цифра 2421 обозначает количество всех православных.

Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют о том, что со второй трети XIX в. большую часть жителей Ахалцха составляли армяне. Занимая доминирующее положение во многих сферах жизни города, они наложили и свой национальный отпечаток на его облик, колорит. Определенный интерес в этом плане представляет изучение традиционного жилища, имеющего, в частности, много общих черт с жилищем (в т. ч. городским) других историко-этнографических районов Армении.

Изучение традиционного жилища Ахалцха позволяет также проследить многоступенчатый процесс перехода от сельских комплексов к городским типам, явление, во многих чертах присущее и другим городам региона рассматриваемого времени. В соответствии с постепенным развитием городского уклада жизни меняли свой облик старые жилища, на основе их эволюции или же под влиянием извне появлялись и развивались новые типы жилья.

В средние века Ахалцха, так же, как и многие другие города, состоял из двух основных частей—крепости и самого города, называемого здесь Рабат³³.

края, извлеченных из посемейных списков 1886 г., Тифлис, 1893 (без стр.). См. раздел «Города Тифлисской губернии»; за 1886 г.—В. Иванов, Город Ахалцих, Тифлисской губернии, СМОМПК, Тифлис, 1889, вып. VII, отд. I, с. 204—205; за 1897 г.—Распределение населения Закавказского края по вероисповеданиям и родному языку по данным переписи 1897 г.—КК на 1907 г., Тифлис, 1906, отд. II, с. 126; за 1905 г.—Сведения о населении городов и местечек Закавказья, Тифлисская губерния. 1905.—КК на 1907 г., Тифлис, 1906, отд. II, с. 325—326.

³⁰ В. Иванов, указ. соч., с. 204.

³¹ Там же, с. 208.

³² Там же, с. 205.

³³ «Рабат (араб.—предместье)—название ремесленно-торгового предместья в крупных городах Средней Азии, Афганистана и Ирана в средние века. Рабат примыкал к шахристану—резиденции правителя и знати» (Советская историческая энциклопедия, М., 1968, т. II, с. 761). Об ахалцихском Рабате см. напр.: [В. Легко-

Здесь же, в старой нагорной части города, находились самые ранние постройки из числа существующих в изучаемое время в Ахалцха. Сведения о рабатских жилищах, которые условно можно отнести к первому типу жилищ города, можно найти у военных деятелей, путешественников, исследователей, побывавших в прошлом веке в Ахалцха. Так, по свидетельству графа Паскевича, в районе католической церкви (имеется в виду сооруженная в XV в. армяно-католическая церковь св. Креста—Ереван сурб Хач³⁴) дома имели «плоские кровли»³⁵. Далее он продолжает, что город состоял из домов, «тесно соединенных между собою в несколько ярусов, без улиц и без площадей»³⁶. Почти то же самое повторяет полковник Бурцов: «... с трех же сторон крепости примыкают дома города, тесно построенные одни подле других и даже одни сверх других, без площадей и без улиц»³⁷. Более подробно старый город описывает генерал-лейтенант Ушаков: «Наибольший поперечник Ахалцыха, от востока к западу, не превышал 600 сажень, а меньший, от севера к югу, имел их до 400. Столь малозначительное пространство населения заключало в себе однако же до 4500 домов, отстроенных с такою теснотою, что город не представлял ни площадей, ни улиц, и жилища, висящие одно над другим, разделялись только небольшими переулками, которые подобно узким горным тропинкам, образовали внутреннее сообщение. Почти все строения возвышались в два яруса и были сложены, частью из деревянных срубов, частью из невощуженного кирпича и толсто обмазаны снаружи глиною. Горизонтальные их крыши, всегдашняя отличительность азиатских зданий, давали им вид возвышенных террас. Дома вообще не только не имели заборов, но многие с наружной стороны, вопреки обычаю ревнивых мусульман, были снабжены, кроме окошек, открытыми галереями. Конюшни, сараи и всякого рода хозяйственные службы помещались в особых флигелях, плотно сомкнутых с главным строением, таким образом, что всякое жилье, взятое отдельно, уподоблялось небольшому замку...»³⁸. В последующие десятилетия в Рабате мало что изменилось. Так, в начале 70-х гг. XIX в., по сообщению Л. Загурского, «значительная часть старого Ахалцха состоит из землянок... Здесь приходится странствовать по несколько-этажным террасообразным постройкам, по крышам саклей, служащих основой для других саклей; и здесь тоже попадающиеся часто маленькие отверстия для выхода из саклей дыма постоянно напоминают путнику, что он прогуливается... по крышам домов»³⁹. В конце 80-х гг. прошлого века, по наблюдению В. Иванова, в старой части Ахалцха постройки «идут кучей, без всякого порядка... здесь по преимуществу одноэтажные домики, с плоскими земляными крышами»⁴⁰.

В 1932 г. архитектором Л. Сумбадзе в Рабате «было зафиксировано свыше десяти объектов с богатой архитектурой, среди которых особенно выделялись дарбазовани⁴¹ Киркесалишвили, Саакадзе, Личели (Адахмаладзе), Пенкрншвили, Фибитов]. указ. соч., с. 218; Ш. А. Месхиа, указ. соч., с. 397; Д. Г. Кожоридзе, указ. соч., с. 6, 11—13; *ქ. ო. ზ. ჯ. ჯ. ჯ. ჯ. ჯ.*, указ. соч., с. 58.

³⁴ См., напр.: АКАК, т. VII, с. 764—765, док. 764; Л. Загурской, Поездка в Ахалпхский уезд в 1872 г. (Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, 1873, кн. 8, о. 18—20); *ქ. ო. ჯ. ჯ. ჯ. ჯ. ჯ.*, указ. соч., с. 13; *ქ. ო. ჯ. ჯ. ჯ. ჯ. ჯ.*, указ. соч., с. 60—61.

³⁵ АКАК, т. VII, с. 764, док. 764.

³⁶ Там же, с. 765, док. 764. См. также: Кавказский сборник, т. XXXI, Тифлис, 1911, с. 74.

³⁷ Начальник траншей полковник Бурцов. Описание осады крепости Ахалцхе, Кавказский сборник, т. XXXI, с. 147.

³⁸ [Ушаков], указ. соч., с. 285—286.

³⁹ Л. Загурской, указ. соч., с. 12, 15.

⁴⁰ В. Иванов, указ. соч., с. 165.

⁴¹ Термином «дарбази» Л. Сумбадзе называет такое помещение жилого дома, которое целиком или частично перекрыто балочно-ступенчатым венцом квадратного (или близкого к нему) заложения и освещается центральным световым отверстием

липашвили и др. Сейчас (видимо, имеется в виду начало 1980-х гг.—время издания книги.—А. М.) там не осталось ни одного, если не считать дарбазовани Киржесалишвили, остатки которого перевезены в Тбилиси и в реставрированном виде построены в Музее народной архитектуры и быта⁴². Нижеприводимое описание рабатских жилищ целиком основано на исследовании Л. Сумбадзе⁴³, так как полевой материал в Ахалцха нами собран лишь в 1987 г.⁴⁴

Как считает Л. Сумбадзе, типичным для рабатских жилищ типа дарбази является дом, принадлежащий Личели (ранее Адахмаладзе). Задней стороной он примыкает к другим подобным объектам и фасадом обращен к улице. Вход здесь перекрыт большим (до 1 м) свесом крыши на мощных деревянных консолях. Передняя ведет прямо в большое дарбазное помещение (высотой около 6 м) и в жилую комнату с плоским потолком и окнами, выходящими на улицу. За большим дарбази расположено другое дарбазное помещение, а слева от него еще одна жилая комната-ода с верхним боковым светом и окнами (вероятно, более позднего происхождения). Рядом с передней пристроено небольшое помещение для домашней птицы. В дарбази Саакадзе имеется подвал с закопанными в землю кувшинами для хранения вина. Некоторые рабатские комплексы включают много других помещений хозяйственного назначения, но здесь нет развитых хлевов: они сильно сократились по площади или вовсе отсутствуют. Самым большим (площадью 21—42 кв. м) помещением в рабатских жилищах, как правило, является центральный дарбази, который отделяется наиболее тщательно. Для рабатских дарбази используются высокие, исключительно восьмигранные центрально-венчатые деревянные перекрытия параллельной укладки с 9—11-ю рядами балок, основывающиеся, как правило, на пристенных столбах квадратного сечения. Для перекрытия здесь применяются чистотесанные, четырехугольного сечения балки, профилированные в нижней части. Еле заметные полосы выемок обходят вокруг всего перекрытия. Верхнее светодымовое отверстие перекрытия ограждается железными решетками: они служат не только для предотвращения доступа сверху, но и для того, чтобы туда не попадал мелкий домашний скот. Решетка всегда силуэтируется на фоне неба, поэтому ей стараются придать интересные формы. В этих жилищах центральный очаг заменяется пристенным камином, который обычно покрывается богатым резным орнаментом. Особой привлекательностью выделяется также высокохудожественная обработка дверных полотен стенных шкафов, к тому же с большим вкусом украшенных кованой железной фурнитурой.

О рабатских жилых комплексах Л. Сумбадзе пишет: «Эти дарбази выделяются из остальных (ахалцхских жилищ.—А. М.) своей грандиозностью, и в то же время являются более старыми сооружениями, возведенными по древним традициям. Из них наиболее ранние построены до начала 19-го столетия и во всяком случае не позднее 1829 г.»⁴⁵. В другом месте он приводит, фактически, единственный, кажущийся реальным, аргумент в пользу древности рабатских жилищ: «По

(аналогично армянскому «глхатуну» с перекрытием типа «назарашенк», «согомашен».—А. М.). «Дарбазовани» (дарбазный тип жилья) же называется такой дом, который в своем составе имеет дарбазное помещение, перекрытое посредством балочно-ступенчатого венца. См.: Л. Сумбадзе, Архитектура грузинского народного жилища дарбази, Тбилиси, 1984, с. 9—10, 30, 86. Ср.: *Ս. Վարդանյան, Հազարամյակը և նրա նշանակությունը հայկական ճարտարապետության մեջ, Կրտսեր հասարակական գիտություններ, 1987, № 6, էջ 78.*

⁴² Л. Сумбадзе, указ. соч., с. 225.

⁴³ См.: Л. Сумбадзе, указ. соч., с. 14—16, 21—24, 35, 46, 57—58, 65—68, 81, 89, 118, 216, 224—225, табл. 64—67.

⁴⁴ Полевые материалы автора (сокр.—ПМА) хранятся в архиве отдела этнографии Института археологии и этнографии АН АР. В настоящей статье после указания года экспедиции обозначается номер полевой тетради, затем—страницы.

⁴⁵ Л. Сумбадзе, указ. соч., с. 15.

надписи «дедабури» на резном столбе Саакадзе можно предположить, что эти рабатские комплексы построены в 18 веке, а некоторые, может быть, и раньше»⁴⁶.

Нельзя не заметить, что во многих случаях Л. Сумбадзе стремится представить эти жилища (материал о которых—одна из основ его исследования) как достояние исключительно грузинской народной архитектуры, как построенные до начала массового переселения эрзерумских армян. Это создает у читателя представление об определенном влиянии архитектуры этих жилищ на возводимые в новой части города постройки переселенцев из Западной Армении. Не вдаваясь в подробности, заметим, что многовековая строительная традиция жителей Высокой Армении как у себя на родине, так и на новых местах обитания предполагала возведение жилищ с перекрытиями как *подобными* рабатским, так и *идентичными* с ними⁴⁷. Отметим также, что ссылка на «дедабури», якобы свидетельствующая о древности рабатских строений, фактически несостоятельна, так как еще в 1949 г. грузинским исследователем Т. Хажомиа доказано, что этот «своеобразный почерк светского письма» характерен для XIX в. и не встречается в более ранних документах⁴⁸.

Рассматриваемые ниже жилища располагались в новой части Ахалцха, целиком застроенной армянскими переселенцами. Заметим, что новый город был выстроен на основе разработанного в 1831 г. и утвержденного российским императором плана⁴⁹, с прямыми и широкими для того времени улицами с мощными тротуарами⁵⁰. Поэтому и новый город стал называться «План» (верхний План, нижний План⁵¹) в противоположность старому городу, который и к концу XIX в. «...представляет поразительный контраст... со своим более молодым соперником»⁵² и где «о правильности улиц нечего и говорить. Постройки здесь идут кучей, без всякого порядка»⁵³. Русское правительство оказало помощь переселенцам, выдавая определенные суммы также и «для постройки домов»⁵⁴. Переселенцы всячески старались не утратить свою самобытность, среди них сильно проявлялось стремление к сохранению замкнутости в национальной жизни⁵⁵. В значительной степени это им удалось: диалект, ремесла, костюм, другие сферы материальной и духовной культуры, элементы устройства городского быта носили отпечаток традиционного образа жизни населения Высокой Армении и его центра—города Карина (Эрзерум), откуда переселилась преобладающая часть новых жителей Ахалцха⁵⁶. Среди части рассмат-

⁴⁶ Там же, с. 225.

⁴⁷ Подробнее см.: Ст. Лисициан, Крестьянское жилище Высокой Армении (Известия Кавказского историко-археологического института (далее—ИКИАИ), 1926, т. 4), его же, Из материалов по изучению жилищ Армении. 2. Нор-Баязетский назарашиек и заметки о крестьянских жилищах соседних районов—Памбакского и Даралагязского, ИКИАИ, 1927, т. 6, с. 133—137; Մ. Վարդանյան, Հայկական ժողովրդական բնակիչ տների ճարտարապետությունը. պատմական ակնարկ, Երևան, 1959, էջ 117, 120; его же, Հազարաչենք..., с. 79, 83, рис. 5; Гос. музей истории Армении, фотоархив отдела этнографии, негативы №№ 981, 1223.

⁴⁸ Թ. Խաչատրյան, յարտուր ճարտարապետության ցրտ ցրտի տարիցներու հանց, մեծմեծըզը, 1949, Ծ. I, 83. 87—97.

⁴⁹ См.: АКАК, т. VII, с. 851, док. 836.

⁵⁰ См.: В. Легкобытов, указ. соч., с. 221; В. Иванов, указ. соч., с. 165; Ս. Загурский, указ. соч., с. 21; Յ. Գեղամեանց, Նամակ Ախալցխայից, էջ 428, 4. Ղաֆաղարյան, Նյութեր..., էջ 120:

⁵¹ См.: Հ. Յ. Քոսեան, Ախալցխա (Հանդես ամսօրյա, 1902, № 3, էջ 80); Կ. Ղաֆաղարյան, Նյութեր..., էջ 120—121:

⁵² Ж. Ф. Б. Линч, указ. соч., с. 91.

⁵³ В. Иванов, указ. соч., с. 165.

⁵⁴ АКАК, т. VII, с. 846, док. 829; с. 850, док. 836.

⁵⁵ См.: Л. Загурский, указ. соч., с. 21, 10; В. Иванов, указ. соч., с. 165; Կ. Ղաֆաղարյան, Նյութեր..., էջ 121; Մ. Գ. Դարբինյան, Վավերագրեր..., էջ 142:

⁵⁶ См.: Կ. Ղաֆաղարյան, Նյութեր..., էջ 121—122. Указанные этнографические особенности быта населения г. Ахалцха и близлежащих армянских сел позво-

риваемых ниже жилищ также ярким образом проявляются традиционный стиль и методы строительства, присущие армянскому народному жилищу Высокой Армении⁵⁷.

Жилища второго типа, построенные сразу же после переселения, сооружались на небольших, узких земельных участках шириной 5—6 м по красной линии улицы⁵⁸. По свидетельству современника, «большая часть домов, по недостатку камня, выстроены из плиток грязи, высушенной на солнце; несмотря на это, они довольно прочны, но некрасивы и неудобны...»⁵⁹. По данным архивных документов, многие предпочитали строить каменные жилища⁶⁰. В этих строениях также жилая и хозяйственная часть объединены под одной кровлей. Ведущую роль играет помещение со ступенчато-венцеобразным перекрытием, куда ведет небольшая передняя, нередко мощенная кирпичными плитами. Как и принято было в жилищах Высокой Армении, тоннир-очаг устраивался не в центре хозяйственно-жилого помещения. В одних жилищах (как второго, так и третьего типов) тоннир располагался в верхнем от входа углу помещения, отделяясь от остальной части дощатой перегородкой с широким арочным проемом, в других—в маленькой пристройке-кухне (*тонратун, тидрап*), которая в более поздних комплексах превращается в отдельную секцию по соседству с главным помещением. В обоих случаях место, где был врыт в землю тоннир, было несколько (не более 50 см) приподнято кладкой по отношению к полу жилой комнаты, а в венцеобразном перекрытии над тонниром имелось специальное светодымовое отверстие⁶¹.

Центрично-венчатые перекрытия главного хозяйственно-жилого помещения и тонратуна жилищ как второго, так и третьего типов были смешанного, четырехугольного типа угловой укладки, нередко встречались восьмигранные перекрытия параллельной укладки⁶². Л. Сумбадзе, который в своей книге приводит детальную классификацию венчатых перекрытий, совершенно правильно замечает, что перекрытия смешанной укладки занимают промежуточное положение (посредством сближения или удаления концов балок) между чистым четырехугольным перекрытием угловой укладки и чистым восьмиугольным перекрытием параллельной укладки⁶³. Далее автор отмечает, что во всех домах армянского населения Ахалцха применялись центрично-венчатые перекрытия смешанного и четырехугольного типа угловой укладки, а также «примитивные разновидности простейших схем»⁶⁴. Далее, не приводя никакой аргументации, Л. Сумбадзе утверждает, что жилища с восьмиугольными перекрытиями параллельной укладки, при применении которых «жилой дом становится архитектурным творением, воплощением творческого замысла», которые «всегда богаче и совершеннее, чем их четырехугольные прототипы», и в которых «яснее ощущается стремление к художественному эффекту, идущее нередко вразрез с экономикой, простотой осуществления»⁶⁵—в новой части города (т. е. в районах,

ляют считать ее составной частью традиционной культуры Джавахка—одной из историко-этнографических областей Армении.

⁵⁷ По определению Ст. Лисициана, в возведенных в новых местах обитания жилищах переселенцы сохранили «рабскую верность своим традициям»: Ст. Лисициан, Крестьянское жилище Высокой Армении, с. 56; *Կ. Ղաֆաղաշրջան, Երևան, էջ 120*.

⁵⁸ См.: Л. Сумбадзе, указ. соч., с. 16, 225, табл. 61.

⁵⁹ В. Легкобытов, указ. соч., с. 221.

⁶⁰ *Մանկանոցի, Կարապետ արքեպիսկոպոսի դիվանը, Բղթ. 163 դ, վավերագիր 1312*.

⁶¹ См.: ПМА—87, I, 10, 89, 95. Ср. с «дымовыми колоколами» Южной Осетии.. См.: Л. Сумбадзе, указ. соч., с. 49, 51.

⁶² ПМА—87, I, 25, 37, 71, 81, 83, 88, 92, 98, 105.

⁶³ См.: Л. Сумбадзе, указ. соч., с. 43—44.

⁶⁴ Там же, с. 45, 71.

⁶⁵ Л. Сумбадзе, указ. соч., с. 45.

населенных армянами) вовсе не встречаются в чистом виде⁶⁶. Между тем жилища с подобными перекрытиями сооружались армянами-переселенцами, и, в частности, один из таких объектов встретился автору в центральной части города (по ул. Дзnelадзе, 38) в 1987 г.⁶⁷. С полной уверенностью можно сказать, что это не исключительный случай: просто многие дома с подобным перекрытием не сохранились в современном городе. Косвенным образом это подтверждается тем обстоятельством, что такие перекрытия переселенцами из указанных и соседних западноармянских областей возводились в 1830-х гг. как в селах Ахалцихского и Ахалкалакского районов (например, дом Дарбинянов в с. Аластан⁶⁸), так и в далеком от Ахалцха городе Нор Баязете (ныне г. Камо)⁶⁹. О наличии же в Армении венчатых перекрытий, по своим архитектурно-художественным решениям близко стоящих к «грузинским» восьмигранным перекрытиям параллельной укладки, отмечает, основываясь на материалах С. Варданяна и Ст. Лисициана, сам Л. Сумбадзе⁷⁰.

Естественное освещение помещений со ступенчато-венцеобразным перекрытием осуществлялось через оставленные в верхней части перекрытия светодымовые отверстия—*ердик*. Для предотвращения нежелательного доступа сверху в них всегда вставлялись железные решетки (*хачэркат*) различной формы⁷¹. Интересно оформлялись наружные части ердиков: на их квадратную дощатую основу клали «фонарь»—застекленное со всех сторон приспособление прямоугольно-четырёхугольной формы. В более поздних объектах это приспособление приобрело форму квадрата (размерами 50×50 см) или прямоугольного параллелепипеда, опять-таки со сторонами из стекла (напоминающими иногда окна в деревянных рамах), но с четырехскатным жестяным покрытием (*будка*)⁷². В коридор свет попадал через специальные решетчатые отверстия в прямоугольно-четырёхугольных каменных плитах (размерами не более 50×50 см), уложенных над входной дверью. Эти проемы имели крестовидную форму или же форму прямоугольного четырёхугольника с вогнутой верхней частью⁷³. Светопроемы последней формы употреблялись и для других помещений жилищ второго типа. До наших дней сохранился старый дом (по нашей классификации—третьего типа), где на каменной плите с крестовидным проемом высечена дата начала переселения эрзерумских армян (09.05.1830) и дата сооружения дома (06.03.1851)⁷⁴.

Жилые комплексы третьего типа—развитый вид жилищ второй группы, подвергшихся заметному влиянию городского уклада жизни. В этих жилищах помещение с балочно-ступенчатым перекрытием, приспособившись к новым потребностям, теряет свое ведущее положение—оно просто служит ядром⁷⁵, вокруг которого размещаются жилые и хозяйственные помещения. Пол этого помещения, как и в жилищах второго типа, остается земляным. Как свидетельствует Л. Сумбадзе (что подтверждается и нашими полевыми материалами), летом, чтобы пол не трескался и не пылился, приходилось часто поливать. Поливка при этом производи-

⁶⁶ Там же, с. 71.

⁶⁷ ПМА—87, I, 80—83.

⁶⁸ ПМА—82, V, 117—118. См. также личный фотоархив, эксп. 1982 г. в Ахалкалакский р-н Грузинской ССР.

⁶⁹ См. фотоархив отдела этнографии Гос. музея истории Армении, негатив № 1223.

⁷⁰ См.: Л. Сумбадзе, указ. соч., с. 88—89.

⁷¹ ПМА—87, I, 43, 81, 83, 106—107; Л. Сумбадзе, указ. соч., рис. 22/1—3,5.

⁷² ПМА—87, I, 18, 22, 29, 41.

⁷³ ПМА—87, I, 26, 41; Фотоархив отдела этнографии Института археологии и этнографии АН АР (далее—ФАОЭ ИАЭ), эксп. автора 1987 г. Ср.: В. Иванов, указ. соч., с. 166; Л. Сумбадзе, указ. соч., табл. 60, 61/7,8.

⁷⁴ ПМА—87, I, 98; ФАОЭ ИАЭ, эксп. автора 1987 г.

⁷⁵ Ср.: Յ. Գեղամյան, Նամակ Ախալքալախի, Մշակ, 1972, № 35, էջ. 2—3.

лась по определенному орнаментальному узору⁷⁶. Во многих комплексах этого типа уже выделяются гостиная, спальня, столовая с плоским потолком и боковыми окнами, появляются дощатые полы. Во внутренней планировке этих комплексов постепенно все четче вырисовывается двурядное построение комнат.

Сохранению тепла в доме помогала кровля, наружная часть которой представляла собой слой утрамбованной земли толщиной до метра⁷⁷. Этой цели служило также обшивание изнутри войлоком⁷⁸ входных наружных дверей, которые, с помощью особого нехитрого механизма, сами закрывались. Такие двери назывались *каплухов дур*⁷⁹. Вообще для жилищ как этой, так и предыдущей группы были характерны довольно массивные одностворчатые и двустворчатые двери. Створки их изготовлялись в основном из широких, толстых и прочных досок, которые соединялись горизонтальными деревянными и металлическими поясами. Внутренний и надежный вид придавали им богато орнаментированные косяки и притолока, круглые головки металлических гвоздей, прибитых с наружной стороны, фигурные колотушки⁸⁰. Перед входной дверью нередко укрепляли небольшую дверцу из вертикальных реек (*чах*), чтобы при открытых дверях не вошли бы в дом домашняя птица, животные.

Отопление жилищ второго типа осуществлялось главным образом тонирами, размещаемыми, как выше уже упоминалось, либо в углу помещения со ступенчато-венцеобразным перекрытием, либо в специальной пристройке. При этом имелись как большие тониры для выпечки хлеба, так и тониры сравнительно меньших размеров для приготовления кушанья. После того, как дым от тонира спадал, находящееся над тоном светодымовое отверстие закрывали специальной деревянной крышкой—*капанк*, что способствовало более длительному сохранению тепла в доме. Представители неимущих слоев населения для отопления жилья пользовались также и переносными глиняными горшкообразными очагами-жаровнями—*тагар*. Со временем тониры, как главный способ отопления, теряют свое значение, их выводят на двор под навес и употребляют только в хозяйственных целях. На замену тонирам приходят чугунные или жестиные печи с дымовыми трубами, а также уложенные кирпичом и обитые жестью стенные печи с кругловатым корпусом, которые обычно отапливали два смежных помещения⁸¹.

Естественное освещение комнат осуществлялось маленькими решетчатыми окнами, выходящими как во двор, так и на улицу. Со временем размеры окон увеличиваются, традиционным становится применение закрывающихся изнутри на крючок ставен. Для вентиляции в верхней части стен (как в этих, так и в жилищах последующих типов) имелись специальные отверстия, на квадратные проемы которых надевались жестиные пористые регуляторы⁸².

⁷⁶ См.: Л. Сумбадзе, указ. соч., с. 334—335, рис. 192; ПМА—87, I, 8, 40, 60.

⁷⁷ Заметим, что земляная кровля оставалась доминирующей и в начале XX века: к 1904 г. 2578 домов, или 84,2%, от всех жилых строений Ахалцха покрывались землей. См.: Города России в 1904 г., СПб., 1906, с. 0226, табл. II.

⁷⁸ Об обшивании дверей войлоком в жилищах Карина (Эрзерум) в середине XVII в. см.: *Օտար աղբյուրների Հայաստանի և Հայերի մասին: Պրակ 4. Քուրախան աղբյուրների Գ. Էվրիա Չելերի, Երևան, 1967, էջ 61.*

⁷⁹ ПМА—87, I, 39, 61, 71, 91. Заметим, что у упомянутой конструкции имелись свои разновидности. Подобные механизмы для обшитых войлоком наружных дверей применялись и в Карне в середине XIX в. См.: *Ներսիս Սարգսյան, Տեղադրությունը և Փորը և ի Մեծ Հայս, Վենետիկ—Ս. Ղազար, 1864, էջ 77.*

⁸⁰ Фотография одной из таких дверей, без каких-либо объяснений в тексте и без указания фамилии его владельца, помещена в книге Л. Сумбадзе (табл. 63). Между тем сам дом находится в построенной переселенцами-армянами новой части Ахалцха (бывшая ул. Милицейская, 13, ныне ул. Ов. Туманяна, 73), а проживала в нем имевшая широкую известность семья оружейников Чифталарян.

⁸¹ ПМА—87, I, 24, 32, 63—64, 86.

⁸² ПМА—87, I, 13, 64, 71, 87, 102.

Архитектура жилищ четвертого и пятого типов тесно связана с дальнейшим развитием городской жизни, обусловленной, в свою очередь, развитием товарно-денежных отношений в Ахалцха. Вместе с ростом материального благосостояния горожан повышаются их бытовые и культурные нужды, требования к жилищу. Жилой дом постепенно начинает отвечать новым условиям и вкусам, удовлетворение которых требовало дальнейшего обогащения и пополнения состава жилого дома.

Жилые комплексы доминирующего в конце XIX—начале XX вв. четвертого типа—одно-полуторазтажные здания⁸³, имеющие в своем составе просторную, тщательно отделанную и обставленную гостиную, спальню, столовую, кухню, часто—подвальное помещение, а также открытую веранду со стороны двора, выходящую нередко и на улицу. Комнаты, обычно смежные, располагались чаще всего с одной стороны длинного коридора.

Здания четвертого и пятого типов фасадом выходили на улицу, а небольшой сад-участок с фруктовыми деревьями находился с задней стороны дома, примыкая обычно к саду соседа⁸⁴. Дома в Ахалцха уже возводили исключительно из камня: в начале XX в. из 3061 жилых строений 3056 были каменные и только 5 значатся деревянными⁸⁵. Камень для строительства поставляла каменоломня с Цухрут⁸⁶. Фасады домов состоятельных горожан были из чистотесанных камней: если они были неправильной формы, считалось престижным штукатурить швы кладки известковым раствором (*калла свах*), что своеобразно оживляло внешний вид дома. Со временем для фасада стали пользоваться чистотесанными камнями прямоугольной формы и необходимость в штукатуривании отпала. При этом, однако, нередко комбинировали—цокольную часть укладывали одним видом камня, стены—другим, или же особой кладкой выделяли оконные проемы комнат и подвальных помещений. Одним словом, всячески старались избежать монотонности и однообразия во внешнем облике здания. Представители менее состоятельных слоев населения при строительстве жилья использовали камни необработанной формы, для внешней штукатурки же употребляли глину, перемешанную, для придания большей прочности, мелкой соломой (*чамуров пат*). Иногда, чаще всего для окаймления окон, пользовались кирпичной кладкой. В ранних постройках этой группы, с целью придания стенам антисейсмических свойств, по всему их периметру укрепляли деревянные прокладки—*хагил*.

В жилищах четвертого и пятого типов совсем иное оформление фронтона. Появляются трех-четырёхступенчатые лестницы. Растет высота дверей: наддверные каменные плиты с крестовидными отверстиями уступают свое место прямоугольным светопроемам, являющимся частью самих дверей. Со стороны фасада создается *карапан*—консольный вынос посредством удлинения, продолжения крыши в виде навеса на один метр (не более), чем и предохраняется парадный вход и вообще фасад от непосредственного воздействия дождя и снега⁸⁷. С конца прошлого века на замену карапанам приходят жестяные, двускатные надвходные колпаки—навесы, название которых *зонтик* само по себе свидетельствует об их предназначении. Зонтики богато оформлялись, на их фасаде очень часто встречались изготовленные из металлической проволоки начальные буквы имени, фамилии и отчества домовладельца, год сооружения здания. Подобные зонтики сохранились и до наших дней. Так, например, по ул. Орбелиани, 9 можно встретить зонтик с надписью *ԿԳՐ 1905* (Ваган

⁸³ См.: Х. Ф. Б. Линч, указ. соч., с. 89; В. Иванов, указ. соч., с. 166. По сообщению последнего, в 1889 г. в Ахалцха было 2515 жилых помещений (из них 2437—частные дома). К 1904 г. число жилых строений достигло 3061. См.: Города России в 1904 г., с. 0226, табл. II.

⁸⁴ См.: Յ. Գեղամեանց, Նամակ Ախալցխայից, Մշակ, 1872, № 23, с. 3; В. Иванов, указ. соч., с. 166. Ср.: П. С. Уварова, Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшети, Посховский участок. Путевые заметки, М., 1891, ч. II, с. 190.

⁸⁵ См.: Города России в 1904 г., с. 0226, табл. II.

⁸⁶ См.: Ա. Ա. Ախալցխայի գավառի արդյունաբերականը, Մշակ, 1887, № 88.

⁸⁷ ПМА—87, I, 6, 51; П. С. Уварова, указ. соч., с. 190.

Григорович Байбурдян), на ул. Месхетская, 4—99 (Гегамян Григор), на ул. Джапаридзе, 17—4ЦА (Карапет Арутюнович Базоян) и т. п.⁸⁸. К ряду карапана и зонтика можно отнести и сооружаемые перед наружным входом портики с двускатной крышей и фронтоном из причудливо выпиленных балясинок.

Жилища пятого типа строились в два—два с половиной этажа, «почти в европейском вкусе»⁸⁹. В конце XIX—начале XX вв. их было не больше пятнадцати и все они принадлежали богатым купцам и ремесленникам. Среди них иногда встречались здания, двор которых, в отличие от комплексов четвертого типа, имел парадный вход со стороны улицы через каменные сводчатые ворота. При этом в срединной части свода обычно вставлялась плита со строительной надписью⁹⁰, а в верхней части ворот, по обеим сторонам, имелись зооморфные каменные водостоки⁹¹. Нередко второй этаж рассматриваемых домов строился над старым одноэтажным зданием. В жилищах пятого типа комнат было значительно больше, обязательно имелись выходящие на улицу балконы с мастерски выпиленными балясинами. Иногда часть второго этажа (построенного легкими конструкциями) служила мансардой, часть—жилой комнатой с балконом спереди. В таких зданиях, в зависимости от степени состоятельности хозяев и численности семьи, первый этаж служил либо хозяйственным целям, либо жильем. В последнем случае для хранения разнообразных припасов сооружали просторные подвалы. В рассматриваемом типе жилых домов можно видеть стремление их зажиточных владельцев внушительными размерами самого дома и его впечатляющей архитектурой как бы выразить свое ведущее положение в обществе. Разница с жилищами четвертой группы проявляется и в богатстве оформления интерьера помещений. Иная мебель, иная утварь. Отопление осуществляется четырехугольными голландскими печами, обычно покрытыми кафелем, освещение—через большие, чаще сводообразные окна. Больше внимания уделяется оформлению внутренних дверей, ставен, потолка. Пол всех жилых помещений—дощатый, в коридоре же, обычно, покрыт узорными керамическими плитами. Определенная часть домов четвертого и преобладающая часть жилищ пятого типов крылись жостью⁹². В целом, к началу XX в., в Ахалцха, по сравнению с другими городами Закавказья, сравнительно большая часть домов была покрыта железом⁹³ (410, или 13,3% от всех жилых строений) и деревом⁹⁴ (60, или 1,9%). Употребление черепицы почти не практиковалось: ею были крыты только 13 зданий (0,4%)⁹⁵.

⁸⁸ ПМА—87, I, 16, 77, 84; ФАОЭ ИАЭ, эксп. автора 1987 г.

⁸⁹ В. Иванов, указ. соч., с. 166.

⁹⁰ Подобная плита (мраморная) с надписью на русском и армянском языках сохранилась по адресу ул. Чавчавадзе, 20 (дом находится в новой части города). На плите высечено: «Постройка собственного дома Арутюна Кацахова» и «Ի 1879 թ 15 ՄԱՐՏԻ ԵՐԿԵՅ ԱՅՍ ՏՈՒՆԵՆ ՄԻՋԳԻՒ ՍԷՆՏՐԱԼԻ 15 ԱՉԱՐՏԵՍԱՆ Ի ԵՐԿԵՅՈՒՆԵՆ ԵՐԿԵՅ ԱՐՈՒՐԵՆ ՔԱՅՆԵՆՆԵՍՄԻ ՍԷՍԻՇՆԵՆ ՇԱՐԱՐ».

⁹¹ «...оригинальные трубы для стока дождевой воды с рыльцами в виде драконовых голов» часто встречались и на одноэтажных домах. См.: Х. Ф. Б. Линч, указ. соч., с. 89. Подобные стилизованные водостоки традиционны и для городов Ахалкалак, Александрополь, армянских сел Джавахка. Каменные водостоки в виде голов лошади и быка из армянского села Эштиа (Ахалкалакский р-н ГрузССР) экспонируются в Государственном музее этнографии Армении.

⁹² ПМА—87, I, 71, 85, 93, 102.

⁹³ Кроме Тифлиса и Шуши. См.: Города России в 1904 г., табл. II, с. 0226. Эти крыши красились чаще всего в вишнево-красный цвет. См.: Х. Ф. Линч, указ. соч., с. 77, 89—90.

⁹⁴ Кроме Шуши и Ардагана. См.: Города России в 1904 г., табл. II, с. 0226. Деревянное покрытие состояло из нешироких (10—12 см), но длинных (до 80 см) досок елки. См. ПМА—87, I, 28—29, 37, 60, 71, 90, 93, 103.

⁹⁵ См.: Города России..., табл. II, с. 0226; ПМА—87, I, 37, 60, 85.

Таким образом, выше прослежены основные черты этнической структуры населения г. Ахалцха XIX—начала XX вв., дана общая характеристика городского жилища—одного из важных компонентов традиционно-бытовой культуры этноса. Жилище обычно представляет собой сгусток этнических особенностей культуры. Не явилось исключением и ахалцхское жилище. Его изучение позволило также проследить основные этапы непростого процесса видоизменения жилища—перехода от более простых к более развитым формам. Так, если жилища первого и второго типа условно можно считать сельскими типами (так как подобные им дома возводились и в сельских районах региона), то жилье третьего типа занимает как бы переходное положение; дома же четвертого и пятого типа принадлежат к так называемому городскому типу. Причем жилища пятого, частично и четвертого типа не являются всецело объектами народного зодчества, в них явно в меньшей степени можно найти традиционно этнические черты, хотя последние находят свое отражение в других компонентах жилища (например, в интерьере). Заметим, однако, что внешний облик архитектуры этих жилых объектов, их внутренняя планировка определяются прежде всего творчеством местных народных мастеров.

Таким образом, с развитием типов жилища, при изменениях, происходящих как во внешнем, так и во внутреннем облике жилья, сохраняются традиционные черты, появляются новые (причем старое на сразу и не полностью уступает свое место) и, в результате, к началу XX в. в Ахалцха мирно сосуществуют жилища всех рассмотренных выше типов.

Ա.ԽԱԿՑԽԱ ՔԱՂԱՔԸ: Էթնիկ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱՎԱՆԴՈՒԹԱՅԻՆ ԲՆԱԿԱՐԱՆԻ ՀԱՐՑԵՐ

Հ. Տ. ՄԱՐՈՒԹՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ս մ

Հայ էթնիկ տարրի առկայությունը Ախալցխայում վկայվում է զարգացած միջնադարից ի վեր: XIX դ. 30-ական թվականներից մինչև XX դ. սկիզբը, կարևորագույն զանգվածային ներգաղթի հետևանքով, հայ բնակչությունը Ախալցխայում գերիշխող դիրք է ձեռք բերում, ինչը իր որոշակի դրսևորումն է գտնում քաղաքային կենցաղի տարբեր բնագավառներում: Այդ իմաստով առանձնակի հետաքրքրություն է ներկայացնում ավանդույթային բնակարանը, որի ուսումնասիրությունը հնարավորություն է ընձեռում հետամուտ լինելու գյուղական համալիրներից քաղաքային տիպերի վերածման բազմաստիճան գործընթացին, մի երևույթ, որ բազմաթիվ գծերով բնորոշ էր Անդրկովկասի մյուս քաղաքներին ևս: Դիտարկվող բնակարանի հինգ տիպերից յուրաքանչյուրում այս կամ այն չափով դրսևորվում են նաև էթնիկ առանձնահատկություններ:

AKHALTSKHA CITY QUESTIONS OF ETHNIC HISTORY AND TRADITIONAL DWELLING

H. T. MAROUTIAN

S u m m a r y

The presence of Armenian ethnic component in Akhaltskha is testified from the developed Middle Ages. From the 30-s of the XIX century up to the beginning of the XX century owing to the massive immigration of the Armenians from Karin, Armenian inhabitants in Akhaltskha acquire a dominating position, which gets its certain manifestation in different spheres of town mode of life. In this sense traditional dwelling presents a special interest, the study of which gives us an opportunity to follow the course of the development in many degrees of village complexes into city type, a phenomenon, which was characteristic in many lines to the other cities of Transcaucasus too. Ethnic characteristics are also in some degrees shown in each of five types of considered dwelling.